

Руслан СЕМЯШКИН
г. Симферополь

ПИСАТЕЛЬ — ЭТО ЗВУЧАЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ



Никакие трудности не могли свернуть его с выбранного жизненного пути. Путь этот был тернист. Переплетались в жизни писателя порой такие причудливые повороты, что и в конце жизненного пути родившийся 105 лет назад, 8 марта 1920 года, босоногий пастушок, переживший голод, войну, неоднократно сталкивавшийся с несправедливостью, подлостью, предательством и всегда решительно противостоявший им, сам удивлялся тому, как удавалось сворачивать ему на единственно верную магистральную линию.

Без малого вся жизнь его пришлось на советское время. А в советском государстве, как известно, писатели были не просто в почете, а по сути теми, на кого равнялись, кому верили, от кого ждали ответов на самые животрепещущие вопросы. Да и сам Иван Стаднюк, о котором в год 80-летия Великой Победы и пойдет речь, был непреклонен в убеждении о том, что «писатель — это звучащая человеческая совесть, выражающая боль и радость, любовь и ненависть, все то сложное, трудно передаваемое, что складывается из взволнованной мысли и ощущений сердца».

Иван Стаднюк, украинец по национальности, подоланин, уроженец живописного села Кордышивка на Винничине, которое он безмерно любил, в советскую литературу пришел и закрепился в ней как русский писатель. И в этом, по крайней мере по стереотипам советского времени, не было ничего удивительного. Окончив украинскую десятилетку и поступив

в Украинский коммунистический университет журналистики, располагавшийся в Харькове, призавшись осенью 1939 года в армию и прослужив в ее рядах два десятка лет, Стаднюк, в силу этих жизненных обстоятельств и постоянного нахождения в русскоязычной среде, и сформируется именно как писатель русской языковой основы. Добавим и то существенное обстоятельство, что в те годы среди народов-братьев практически не было конфликтов на национальной почве. Бацилла украинского национализма находилась тогда в зародыше и будоражила больное сознание крайне ограниченного в общей народной массе количества лиц. Но и преуменьшать ее влияние среди национальной интеллигенции, кстати, совсем «не обиженной» советской властью, также не стоит, — последующие события конца 80-х — начала 90-х годов прошлого столетия воочию покажут всю пагубную и разрушительную силу этого искусственно созданного явления, которое писатель не просто не принимал, а и всем своим существом презирал и ненавидел.

Прожив большую часть жизни в России, начиная с послевоенного Симферополя, где первое и очень важное напутствие ему даст сам Петр Павленко, и заканчивая Москвой, где еще в военное лихолетье встретил будущую супругу, состоялся как офицер, журналист, писатель, сценарист, где и нашел свое последнее пристанище, Стаднюк никогда не забывал своих украинских корней. Однажды на вопрос великого Шолохова, как хохлу живется в Москве, писа-

тель с юмором, но и с гордостью ответил, что он «хохол московского разлива». Но были и другие, далеко не столь приятные эпизоды, когда ему напоминали о его национальности. В конце 1967 года, когда он работал заместителем главного редактора журнала «Огонек», Иван Фотиевич получил письмо от одной из читательниц украинского происхождения из американского Бруклина, в котором дама обвиняла его в том, что он пишет по-русски ради материальной выгоды и влиятельного положения в обществе. Конечно, писатель ответил тогда «землячке» и рассказал о реалиях советского интернационального строя и своего, заработанного трудом, в нем положения. А привожу в пример этот случай еще и потому, что превратность судьбы заключалась в том, что дама та узнала о том, что Стаднюк является русскоязычным писателем от небезызвестного украинского журналиста и писателя Виталия Коротича, получившего несколько позже Государственную премию СССР за публицистическую книгу о капиталистических реалиях в США, и, как назло, будучи членом КПСС, громившего советское государство со страниц «Огонька», который он возглавлял в перестроечные годы.

Начальное приобщение к писательскому делу совсем не предвещало того, что в будущем Стаднюк выдвинется в число лучших советских мастеров-прозаиков, специализировавшихся на показе крупномасштабных, с эпической широтой размаха картин. Первые рассказы курсанта Смоленского военно-политического училища, посещавшего литературные курсы под руководством будущего крупнейшего советского поэта и общественного деятеля Николая Грибачева, ничем приметным не выделялись. И тем не менее уже в двадцать один год его считали писателем. Иван Фотиевич не единожды вспоминал об участии в совещании молодых красноармейских писателей, проходившим 7-8 мая 1941 года в зале Дома командиров Западного особого военного округа в Минске. С напутствиями к молодым литераторам тогда обращались выдающиеся белорусские писатели Якуб Колас, Янка Купала, Кондрат Крапива. Впечатления те запомнятся на всю жизнь, недаром Стаднюк отзовется о них однозначно: «Вот таким, вторым для меня местом на земле, второй моей родиной является Белоруссия, где получил первое литературное крещение, а потом первое боевое. <...> Никто из нас, участников этого совещания, не ведал

тогда, что стоим мы на пороге великих и тяжких испытаний и что не скоро постигнутое здесь станет нашим творческим подспорьем». Немаловажно отметить и тот факт, что огромное влияние на будущего писателя, закаленного на фронтах Великой Отечественной войны, прошедшего по ее огненным дорогам с редакцией газеты 27-й армии «Мужество», где он служил старшим литсотрудником, а затем и ответственным секретарем, аж до самой Австрии, оказала и Смоленщина. «Не могу не сказать о родном мне Смоленске, где стал членом КПСС, где в военно-политическом училище постигал не только марксистско-ленинскую теорию, но и военные знания, приобретал физическую закалку; верю, что именно все это помогло мне остаться самим собой в первых боях близ границы, сдюжить все тяжкое, что выпало на нашу долю в трудные месяцы боев на смоленских возвышенностях летом 1941 года, а затем пройти по дорогам войны до Победы. И как самой высокой оказанной мне честью, бесценной духовной наградой горжусь тем, что мне присвоено звание почетного гражданина Смоленска».

Между прочим, писатель оплатил прославленному городу добром, внеся свою посильную лепту в многолетнюю деятельность по отстаиванию вопроса о присвоении Смоленску звания города-Героя, написав приоткрывшее новые подробности о героических событиях июля 1941 года ходатайство в Политбюро ЦК КПСС.

Об участии в Великой Отечественной войне Иван Фотиевич, естественно, никогда не забывал, часто вспоминая те годы, поддерживая отношения с теми, с кем пришлось тогда с оружием в руках защищать независимость и честь социалистического Отечества. Многие из пережитого, в том числе и наиболее характерные военные эпизоды, нашли свое воплощение на страницах книг писателя. На закате же жизненного пути о тех судьбоносных днях он повествует в мемуарном сочинении «Исповедь сталиниста». Не преследуя цели пересказывать все пережитое Стаднюком на войне, так как об этом можно рассказывать долго и подробно, остановлюсь лишь на одном памятном моменте. Именно майор Стаднюк, находясь в ноябре 1943 года в освобожденном Киеве, узнает от одного из очевидцев о подробностях жуткой трагедии Бабьего Яра и первым направит информационную телеграмму об этом в «Правду», а затем напишет об услышанном в газете «Мужество».

С «Правдой», к слову, писатель будет связан и в последующие годы, неоднократно выступая на ее страницах. К этому добавим, что и проживал Стаднюк в Москве, будучи известным писателем, на улице «Правды», где и сейчас размещается редакция этой старейшей газеты страны, являющейся ныне печатным органом КПРФ.

Послевоенные годы благодаря постоянно совершенствовавшимся задаткам и таланту художника, трудолюбию и настойчивости позволяют Стаднюку найти свою неповторимую нишу и закрепиться в большом мире советской литературы. Из-под его пера в 50-е — первой половине 70-х годов XX века выйдут разные по жанру и стилистике произведения: военные повести «Человек не сдается», «Сердце помнит», «Плевелы зла», сценарии фильмов «Артист из Кохановки», «Ключи от неба», пьесы «Любовь и тыква», «Горький хлеб истины». Особым успехом будут отмечены повесть в рассказах и одноименный сценарий «Максим Перепелица». Кинофильм же с незабываемым Леонидом Быковым в главной роли и по прошествии более чем шести десятилетий по-прежнему любим зрителем. Примечательно и то, что в добродушном балагуре и хвастуне Максиме писатель, по его признанию, отобразил и собственные черты характера. Он и сам в молодые годы был горяч, прямолинеен, впрочем, конечно, не себя довольно подробно описывал Стаднюк, создавая этот потрясающий и неустаревающий образ.

Первой по-настоящему крупной вехой в творчестве Стаднюка явился роман «Люди не ангелы», над которым писатель работал в 1960 — 1965 годах. Уже первая книга романа, написанная в 1962 году, показала, что автор взялся за освещение остроконфликтных и полных глубокого психологизма картин из жизни украинского крестьянства послереволюционного периода. Он не побоялся как нельзя более остро обнажить всю драматичность того непростого времени. Но сумел Стаднюк вместе с тем и не поддаться эмоциям, а в его собственной судьбе были на то веские основания, и не сгустить в конечном итоге красок в подаче событий, связанных с коллективизацией, раскулачиванием, голодом 1932 — 1933 годов, репрессиями. В этом-то и заключается огромное преимущество этого полотна, охватывающего своими рамками более чем тридцатилетний отрезок времени. Достоверность, философичность, не навязчивость сюжетных линий, характерность и

продуманность монологов, несущих одновременно и эмоциональный, и информационный подтексты, вкрапление авторских суждений на самые судьбоносные темы из народной жизни недавнего времени и современности (во второй книге действие развивается в начале 60-х годов прошлого века) поставили это произведение в ряд наиболее значимых творений о судьбе деревни.

При этом Стаднюк одним из первых среди братьев по перу поднял на щит те социальные и нравственные проблемы деревни и ее жителей, начиная с тридцатых годов, к которым примерно в то же время и несколько позже обратятся такие талантливые прозаики, как М. Алексеев, Ф. Абрамов, С. Крутилин, В. Астафьев, П. Проскурин, А. Иванов, Е. Носов, В. Белов, И. Акулов, Б. Можаев.

Немало испытаний приходится переживать главным героям во многом автобиографичного романа «Люди не ангелы». Отца и сына Ярчуков мы видим далеко не простыми людьми, хотя и являются они обычными, плоть от плоти крестьянскими сынами своей родной Кохановки, правда, Павел, сын Платона, вернувшись с войны, отличившись на ней мужеством и храбростью и заслужив за них три ордена Славы, добывается признания земляков — его избирают председателем колхоза. Но и должность как таковая, и власть, и влияние в селе не меняют характера Павла. Все так же донимают его переживания о колхозной ниве, о благополучии селян, об их моральном облике, о том, что не все ладно и в их делах, тем паче и в стремлениях, отравленных порою душком корысти, наживы и стяжательства. Вообще же, и отец и сын по-своему проводят через себя целый сонм горестных размышлений и переживаний, умудряясь при этом не сломаться, не впасть в отчаяние, не потерять веру в добро, в справедливость, в людей, среди которых честных и порядочных неизмеримо больше тех, кто ступил на путь бесчестия и готов в корыстных целях идти на преступления.

Однако и Ярчуки — не ангелы. Платон Гордеевич, сознательно защищавший с оружием в руках завоевания Октябрьской революции, думая не о себе, а о семье и ее спасении от неминуемой смерти, идет в голодный год на преступление — кражу мешка колхозных семян. Ответственность за содеянное не дает ему покоя. Сознательно признается он властям в совершенном воровстве народного продоволь-

ствия. Неминуемое наказание воспринимает как должное. Не изменяет его отношения к советской системе, основательно закрепившейся в его мироощущении, и само пребывание в заключении. В сердцах, со всей крестьянской прозорливостью отвечает он в лагере краснодеревщику из Полтавы на реплику о том, «будто аресты нужны каждой власти, как прививка страха народу»:

«— У нас власть какая? Советская! А кто она? В сельсовете сидит мой племян, в Виннице кооперацией ворочает тоже мой родич. <...> Сам нарком обороны — простой рабочий. Так кого же нам с тобой надо бояться? Верно, советская власть чинит насилие. Хочешь не хочешь, а заставляет всех учиться, чтобы темными дураками не были. Законом требует не ломать шапки перед начальством, не нести курицу и червонец доктору, когда идешь в больницу, требует тащить в милицию спекулянта, который хочет содрать с тебя шкуру. Ты имеешь что-нибудь против такого насилия? Я тоже не имею! Конечно, требовательная власть. Заставляет, чтобы колхозы покупали машины, чтоб проводили электричество, чтоб зерно бросали в землю, как наука велит. <...> Доволен не доволен, а ковать новую жизнь — не франзольку с салом жевать. Шутка ли: отняли у толстобрюхих земельку, разные там фабрики, золотишко. Не все же они утекли за границу. Притаились, ждут, что, может, прилетит царский орел. И небось не все сложа руки ждут. Тут есть над чем пошевелить мозгами».

И надо сказать, в этих словах писатель не отошел от реалий того времени, о котором знал не понаслышке. Не допустил он сознательного преувеличения размахов и в упоминании о существовавших тогда врагах советского государства. Они действительно были, хотя в наше время многие либеральные подпевалы от истории пытаются замалчивать или отрицать сей факт. Их же писатель видел и на войне. О них он напоминал нам и в книге «Исповедь сталиниста», когда писал об известных ему случаях диверсионной работы врага на советской территории. Ведь засылались-то на нашу землю совсем не немцы, пускай и знающие в совершенстве русский язык, а, как правило, те отщепенцы, кого земля русская некогда взрастила. К сожалению, знал Стаднюк и примеры предательства, мародерства, видел власовцев, одного из них, бывшего односельчанина, он по-встречает в Австрии и введет под вымышлен-

ным именем в число действующих лиц романа «Люди не ангелы».

Вообще же, этот роман, выдвигавшийся на соискание Ленинской премии, Государственных премий СССР и РСФСР им. М. Горького, поставил перед читателем немало не растерявших и сейчас значимости и актуальности вопросов. В чем природа корыстолюбия? Почему одни готовы жертвовать собой во имя Родины и высоких идеалов, а другие живут исключительно в рамках собственного благополучного, а порой и не очень, но все же обособленного мирка? Как удастся некоторым недостойным людям попадать во власть? Как жить по совести, не оглядываясь на темное прошлое и не замысливая ничего плохого в настоящем и будущем? Отчего одни не боятся отстаивать правду и говорить о ней открыто, не страшась навлечь на себя гнев руководителя, а другие дотянулись лишь до того, чтобы заглядывать в рот вышестоящему начальству? И это отнюдь не все те вопросы философско-нравственного характера, которые возникают при прочтении романа. Важно сказать и о том, что Стаднюк не желал уходить и от горьких проблем современности. Как коммунист, возвышая свой писательский и гражданский голос, он остро поставил во второй книге романа вопросы о государственном управлении колхозами и в целом сельскими территориями, о необходимости кардинального улучшения жизни селян, о недопустимости принятия на государственном уровне таких непродуманных управленческих решений, как пресловутое хрущевское разделение партийных, комсомольских и советских органов на сельские и промышленные.

Роман «Люди не ангелы» высветил перед советской читательской аудиторией нового самобытного мастера, живописующего картины современности. И думалось тогда, что зрелый сорокапятилетний автор продолжит работать в этом направлении. Но, как напишет он сам: «...во мне проснулась давняя мысль о самой главной своей книге — романе о Великой Отечественной войне».

Размышляя о существовании творчества, связанного с отображением Великой Отечественной войны и постижением ее во всем страшном, но правдивом многообразии в советской литературе, Стаднюк в статье «Этих дней не смолкнет слава» писал: «Война была неисчислимо многоликой, потрясшей всю нашу страну и все слои общества; нет границ возможностям ее худо-

жественного осмысления, и это осмысление под силу только всей литературе, но не одному или нескольким избранным писателям. Более того, поскольку по законам искусства и согласно принципам социалистического реализма, художникам доступно создавать из быстротекущего периода эпохи, наполненного событиями, потрясениями и страстями, нетленные кристаллы, то возвести из этих кристаллов нетленный памятник во славу нашей Победы над фашизмом может литература в тесном взаимодействии с другими видами искусства».

И надо сказать, что эти слова талантливого художника-прозаика, доказавшего способность к созданию крупных эпических творений, а таковым Стаднюк бесспорно стал, познакомив читателя с романом «Люди не ангелы», касались прежде всего его собственного творчества. В нем ему удалось создать действительно потрясающий памятник «во славу нашей Победы» — роман «Война», с которым по большому счету и олицетворяется имя писателя.

Роман «Война», ставший одним из ключевых произведений на военную тематику в советской литературе, поставил Стаднюка в один ряд с такими крупнейшими мастерами, освещавшими самую судьбоносную и драматичную страницу в отечественной истории XX века, как М. Бубеннов, А. Бек, О. Гончар, В. Закруткин, К. Симонов, А. Чаковский, Ю. Бондарев и другие. Но принципиальное отличие романа-эпопеи, над которой писатель работал с 1967 по 1980 год, прежде всего в том, что он показал события, предшествовавшие войне, и ее начальный период, доведя их до сражений, развернувшихся на смоленской земле в июле 1941 года.

Оромане «Война» возможно написать отдельную статью — столь масштабно, исторически выверенно и грандиозно по своей значимости это богато на события и героев произведение. Да и встречаем мы в нем не только рядовых защитников Родины, заставших войну на подступах к Белоруссии, но и крупнейших государственных деятелей и военачальников во главе со Сталиным. Посему постараюсь отметить самые принципиальные моменты, без которых никак не обойтись. В общем-то, думается, что в год 80-летия Великой Победы, состоящий из трех книг роман «Война», удостоенный Государственной премии СССР, и продолжающие его романы «Москва, 41-й», «Меч над Москвой», тем, кто их читал ранее, неплохо было бы перечитать, ну а тем, у кого такой возможности до

сих пор не оказалось, прочесть их следует обязательно.

Итак, первое. Помог писателю взяться за роман один из старейших советских писателей Сергей Малашкин. Он познакомил Стаднюка с Вячеславом Молотовым. А виднейший деятель большевистской партии и соратник Сталина не просто открыл писателю глаза на суть интересовавших его вопросов, но и в ходе многочисленных встреч помогал ему, вычитывая главы и готовые верстки книг романа. Вячеслав Михайлович показал Стаднюку фигуру Сталина и способствовал тому, чтобы автор смог сделать правильные выводы из всей сопутствующей информации. В целом же знакомству с Молотовым писатель придавал огромное значение. Он его безмерно уважал, и с годами у него укреплялось понимание той роли, которую сыграл этот выдающийся человек в судьбе нашей страны.

Второе. Изучая соответствующую литературу, прежде всего воспоминания реальных участников тех событий, Стаднюк твердо осознал главное и принципиальное, — организатором и вдохновителем Победы, взявшим все нити управления в свои руки, был Сталин. Без его гениального провидения, способности анализировать и принимать выверенные решения не состоялось бы сплочения армии и народа в нерушимый монолит. Не признавать определяющей роли Сталина в организации Победы Стаднюк считал недопустимым. О том же, чтобы вывести в романе достоверный портрет Сталина, показать его внутренний мир, писателя после выхода в свет первой книги романа надоумил классик советской литературы Леонид Леонов, заявивший: «Или бросьте писать роман, или пишите Сталина, как полагается художнику».

В-третьих, писателем была проделана колоссальная работа. Он заручился поддержкой крупных военачальников, с которыми неоднократно встречался. Многое поведал ему бывший нарком авиационной промышленности Алексей Шахурин. При этом большинство из них помогали ему по собственному наитию. Благодаря обращению в 1975 году в адрес заведующего Общим отделом ЦК КПСС Константина Черненко, писатель был допущен к секретным документам Ставки и ГКО; получил он тысячи писем, среди которых были и те, что пролили свет на ряд вопросов. Проходил Стаднюк «сквозь густые сита двух отделов ЦК КПСС, Главного политуправления Советской армии, Институ-

та марксизма-ленинизма, Института военной истории, Главлита, военной цензуры». Кстати, все эти ведомства не позволяли в советское время допускать до широкой читательской аудитории откровенную белиберду, которой с началом перестройки и по сей день было издано предостаточно.

Нельзя не сказать и о том, что первоначально Стаднюк планировал назвать роман «Мир на плахе». Однако главный редактор журнала «Октябрь» Всеволод Кочетов категорически настоял на названии «Война». Писателю, учитывая, что первая книга готовилась к публикации в этом журнале, не оставалось ничего другого, как согласиться. Незабвенный Всеволод Анисимович, на которого после развала Советского Союза, увы, выльют ушаты грязи, как в воду глядел... Одобрил он и вторую книгу романа, готовившуюся к печати в 1973 году. Но помешала смерть самого Кочетова. Новый же главный редактор «Октября» Анатолий Ананьев, подписавший, между прочим, в октябре 1993 года известное «Письмо сорока двух», призывавшее президента Ельцина расправиться с законно избранным Верховным Советом, печатать книгу, находившуюся уже в верстке, отказался. Это к вопросу о принципиальности и готовности брать на себя ответственность за принимаемые решения.

И последнее. Просто сказать, что роман «Война» имел успех, — это значит ничего не сказать. Пристально изучали роман и на Западе, радиоголоса которого не единожды объявляли писателя главным сталинистом Советского Союза...

Известный писатель и публицист Михаил Захарчук в своей публикации о Стаднюке, приуроченной к 95-летию со дня рождения Ивана Фотиевича и размещенной в интернет-газете «Столетие», приводит такие слова мастера, произнесенные им в одной из бесед: «Иные критики на дух не переносят моих романов «Война» и «Москва, 41-й». А между тем я тебе так скажу: сейчас в нашей стране мало кто знает — да почти никто — о событиях 41-го года столько, сколько знаю я. Естественно, поэтому у меня и иное отношение к Сталину как полководцу и дипломату, чем у людей, которые стараются списать на него все ошибки того сложного периода, в том числе собственные или своих близких. <...>И для меня смешно выглядят те «правдолюбцы» и критики, которые «драконят» мои романы за якобы содержащуюся в них апо-

логетику Сталина. Меж тем я вождя никогда «живьем» не видел. Его образ и характер, как государственного и военного деятеля периода Отечественной войны, сложились в моем воображении под впечатлением печатных и устных суждений самых выдающихся наших полководцев, руководителей промышленности, ученых, политиков, дипломатов, чтимых во всем цивилизованном мире. Они звучали после смерти Сталина, да и сейчас звучат. В них — не пустое словословие, а оценка конкретных (верных или ошибочных — другой вопрос) деяний вождя и их последствий. А со сколькими документами мне пришлось работать! И потом, скажи мне на милость, почему я не должен верить Жукову, Василевскому, Мерецкову, Коневу, Рокоссовскому, Штеменко, Хрулеву, Шахурину, Исакову, Кузнецову, Сабурову, Громыко? Но верить шустрому Волкогонову, женоподобному Радзинскому, плодовитым как кролики братцам Жорику и Роику Медведевым. Наконец, учти <...>я встречался с Молотовым, даже по рюмке с ним не единожды пропускать. Вот он был для меня своеобразной академией в постижении хода и исхода самой страшной в истории человечества войны. Мне могут возразить, что это была не «та» академия. Позвольте, но кто может мне назвать «ту», другую академию среди всех функционировавших у нас после войны? И ты не думай, что я Молотову только преданно в рот смотрел, никогда ему не перечал. Например, у нас с ним не было единомыслия в крестьянском вопросе. Он категорически не одобрял, скажем, моего романа «Люди не ангелы», как осуждал и книги о деревне Миши Алексеева, Сережи Крутилина. Ну и что? Этот великий сподвижник Сталина имел право на свою собственную позицию по любому вопросу. И она никогда не была дилетантской, уж поверь мне. <...>Но при всем том я тебе так скажу: вот китайцы, они молодцы. Они поставили: в деяниях Мао Цзэдуна было 30 процентов неправильного. Остальное — верное. И закрыли тему. А у нас сейчас серьезные люди стесняются называть Сталина полководцем, выигравшим войну против Гитлера. Ну, может ли быть большая идеологическая нелепость? <...>А я вот по разрешению ЦК партии работал в архивах ГКО, Генерального штаба, Ставки Верховного Главнокомандования. Сталиным и членами Политбюро была проделана титаническая работа в начальный период войны. О конструктивной деятельности вождя в тот период

сказано в воспоминаниях буквально всех (до единого!) наших военачальников. Неоценима роль Сталина и в создании антигитлеровской коалиции, второго фронта. Я почему так много тебе об этом говорю? Да потому, что нельзя смаковать лишь горькие моменты из нашей истории. Это принижает, умаляет значение наших побед и в войне, и в мирной жизни. И если мы сами позволяем себе цинично лгать о собственной войне и нашей Победе, то что же тогда говорить о наших недругах. Они же будут на корню изничтожать величайший, беспримерный подвиг советского народа. Дивлюсь: неужели эта истина не доходит до людей?»

Разве не прав Стаднюк? Или, может, его слова и до сих пор «не вписываются» в парадигму либеральных «ценностей», согласно которой нашему народу не одно десятилетие навязывалось преступное в своей основе мнение о том, что все в нашей советской истории было неправильным, постыдным, кровавым, безжалостным, требующим раскаяния перед «цивилизованным» миром? Ответы на эти вопросы, полагаю, очевидны. Давно настало время называть вещи своими именами, особенно сегодня, когда продолжается специальная военная операция, когда наши мужественные и бесстрашные воины, так же как их деды и прадеды в годы Великой Отечественной войны, вновь защищают матушку-Россию от сил коллективного Запада, никогда не соглашавшегося даже с мыслью

о нашем величии и возможности самостоятельного, без оглядки на кого-либо пути.

Кавалер девяти орденов, среди которых ордена Ленина и Октябрьской революции, коммунист, член правлений писательских союзов СССР и РСФСР, секретарь Московской писательской организации, многолетний депутат Моссовета Иван Стаднюк прожил жизнь во всех отношениях достойно. Осталась светлая память о нем. Самостоятельной жизнью продолжают жить и его произведения. Нам же остается к ним обязательно возвращаться и помнить о самом писателе — человеке сильным, убежденным, последовательным, принципиальным, верившим в Россию, в ее многонациональный народ и в то, что у нас своя доля, разительно отличающаяся от той, которую нам столько лет нагло и беспардонно навязывали всякие «партнеры» и другие попутчики.

Руслан Владимирович СЕМЯШКИН

родился в 1983 году в г. Симферополе. С 2006 года и по настоящее время работает в Государственном унитарном предприятии Республики Крым «Черноморнефтегаз». С публицистическими статьями и очерками печатался в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Простор», «Литературный Азербайджан», «Литературная Армения», «Литературный Кыргызстан», «Памир», «Политическое просвещение», «Известия СКП-КПСС», в газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Красная звезда», «Тюменская правда», «Крымские известия», «Крымская правда» и др. Лауреат премии «Слово к народу» газеты «Советская Россия», почетный донор России. Живет в г. Симферополе.

